мости повести от легенды не может быть и речи. Сходство это, вне всякого сомнения, результат восхождения их к весьма и весьма отдаленному, много раз пересказанному, общему источнику.

И П. Владимиров[1] и Конрад Битнер,[2] говоря о сходстве «Повести о Савве Грудцыне» с повестями «Великого Зерцала», имели в виду легенду, имеющую в русском переводе следующее заглавие: «О дияволѣ, иже во образѣ человѣчестѣмъ воину служаше». Приведем отрывок из этой легенды, напоминающий один эпизод из «Повести о Савве Грудцыне», а именно — чудесный переход Саввы и беса через Днепр, и вообще — преданную и успешную службу беса герою повести.

«Диявол во образѣ юношы прекраснаго начат служити воину нѣкоему. Ему же егда зѣло возлюбися тако за красоту, яко же и красноглаголания ради, той же начат зѣло прилѣжно служити со трепетом и вѣрностию тако, яко даже господинъ дивляшеся. Никогда же на конь посаждашеся ниже с коня слазяше і ідѣже бы той слуга диявол не приспѣл бы, всегда угодно с поклонением и благоразсудно служаше. Во един же день, егда оба на конех шествоваху и ко единой рече на брег приидоша, господин обозрѣся ј узрѣ многое множество супостатов, иже его постизаху. И рече слузѣ: се здѣ мы погибохом. Се врази мои текут, река же пред нами и уклонится нѣсть мѣста камо. Или мя здѣ убиют или мя во плен поимут. Рече же слуга: неужасаися, господине, брод реки сея аз совершенно свѣм, токмо послѣдствуи ми, угонзнем от их постизания. На сие господинъ отвѣща: аз вѣм, яко никто же сея реки может преити, ниже кто когда прейде ю. Обаче в надежду устия послѣдоваше слузѣ и преиде добрѣ реку. Егда же противо себе едини на оной, друзии же на друзѣй странѣ быша, супостати, того дивляхуся, глаголюще: кто когда слыша или видѣ брод на сеи рече, ничто же инаго есть, но токмо диявол его превел есть. И тако возвратишася».[3]

Сходство между этим отрывком легенды и «Повестью о Савве Грудцыне» бесспорно. Но стоит только нам пристальнее присмотреться к демонологии христианства, чтобы это сходство сразу же потеряло всю свою исключительность. Дьявол в облике человека — это обычный образ еще древних патериков.[4]

[1] П. Владимиров. К исследованию о «Великом Зерцале». Казань, 1885, стр. 71 и 72.

[2] Konrad Bittner. Die Faustsage im Russischen Schrifttum. 1925, стр. 79.

[3] Погод., № 1382, лл. 417, об. 418.

[4] Так, к пресвитеру Апеллесу приходит диавол в образе женщины; к авве Иоанну приходит сатана, приняв на себя образ пресвитера (см. «Лавсаик». Перевод с греческого. СПб. 1873, стр. 239, 240) и т. п. См. об этом Ф. А. Рязановский. Демонология в древнерусской литературе. 1916, стр. 49—53.